

Он был мастером терпения. Терпеть ругань, терпеть удары, терпеть унижения, терпеть боль. Все невзгоды этого мира он не мог изменить, только молчаливо не сдавался.

Всё, кроме жизни и смерти, — лишь дым.

Ему приходилось терпеть, и Чу Хуаню тоже. После поступления в школу Чу Цзюньхуну будет сложнее их найти. Новая школа была закрытым частным учебным заведением, Чу Хуань поступит в лучший университет и уедет в самый далёкий город, и тогда никто больше не сможет преследовать их по крови.

Но Чу Юй всё равно чувствовал обиду — странное, незнакомое чувство. Он был как ребёнок, который часто падает, и, если его никто не поднимает, просто терпит боль. Но теперь он хотел закричать, чтобы его пожалели и выполнили какие-то нелепые просьбы в качестве компенсации.

Ночью Сун Цзиньчэнь встал, чтобы попить воды. Взглянув на телефон, он увидел, что три часа ночи, и, возвращаясь в постель, перевернул Чу Юя, лежавшего к нему спиной.

Между ресницами Чу Юя блестели слёзинки, которые, когда он моргнул, скатились по уголкам глаз, оставив влажные следы. Он плакал, тихо, чтобы не раздражать.

— Что случилось? — Сун Цзиньчэнь вытер слёзы с его лица, думая, что у него болит живот из-за месячных. — Живот болит?

Чу Юй покачал головой, невнятно и тихо промычав, как щенок.

— Тогда почему плачешь? Ноги болят? — Сун Цзиньчэнь вернулся в кровать и дотронулся до его ноги.

Взрослеющий мальчик поздно рос, и иногда у него случались судороги. Сун Цзиньчэнь сомневался, действительно ли ему уже двадцать, но чувствовал гордость, как будто вырастил зверёныша.

Чу Юй хотел покачать головой, но остановился и кивнул.

— Иди сюда. — Сун Цзиньчэнь обнял его, взял за плечи и подтянул к себе, затем поднял одну ногу. — Эта?

Чу Юй кивнул и промычал.

Сун Цзиньчэнь обнял его и начал массировать область под коленом, ближе к бедру, время от времени спрашивая:

— Как? Лучше?

Чу Юй не открывал рта, но в уме повторял совершенно не связанные слова, как будто пытаюсь заглушить желание выговориться.

Он больше не хотел просить Сун Цзиньчэнь о мелочах, потому что самое большое его желание было уже слишком наглым — хотя он и сам не мог точно сказать, чего именно он хочет.

— Что? — Сун Цзиньчэнь заметил, как его губы шевелятся.

— Ничего, — Чу Юй повернулся, убрал ногу и обнял его. — Не болит, всё в порядке.

Сун Цзиньчэнь никогда не работал бесплатно, но, одолеваемый сонливостью, погладил его мягкую, как у ягнёнка, попу в качестве процентов и, положив руку на талию, быстро уснул.

Чу Юй почувствовал сладость и на следующую ночь повторил трюк, снова получив утешение. Если бы его друзья узнали, как он изнежился, они бы посмеялись, но перед Сун Цзиньчэнем он больше не был тем, кто оцетинился шипами. Теперь он был смесью жалости и милоты, котёнком, который мог погибнуть без нежности.

Никто не мог винить его за детскую жадность, игра была слишком соблазнительной: цена — обман, награда — любовь.

Каждый вечер, когда Сун Цзиньчэнь засыпал, Чу Юй шептал ему на ухо: «Я тебя люблю». Сун Цзиньчэнь ничего не знал, как не знал, что Чу Юй был одним из тех, кто родился в грязи и пыли, брошенным птенцом в стальном лесу, и уже начал планировать, как украсть его вечную привязанность.

Чтобы избежать Чу Цзюньхуна, Чу Юй забрал брата жить на склад. Хотя условия были скромными, это было лучше, чем крошечный дом, где они жили раньше, по крайней мере не нужно было бояться отца-бомбы.

Чу Хуань чувствовал, что брат изменился, но не мог понять, в чём именно.

У Чу Юя была только надувная кровать, но со временем он начал приносить вещи — или «заимствовать» их из дома Сун Цзиньчэня. Однажды он нашёл на заправке розовый спасательный круг в форме губ, вероятно, кто-то его забыл. Чу Юй принёс его и прикрепил к изголовью кровати как подушку. Он перерыл весь склад Сун Цзиньчэня, и однажды утром, когда тот не пошёл на работу, увидел, как Чу Юй привязал подушку к мотоциклу и уехал.

Чу Хуань зашёл в «комнату» брата и увидел яркие цвета: розовая подушка, белоснежное одеяло, нежно-зелёные занавески, огромный шинный стул и высокий столик. Всё это напоминало панк-версию девичьей спальни.

— Брат... Это... — Слишком мило, Чу Хуань не знал, куда себя деть, чтобы не нарушить атмосферу.

— Что? — Для Чу Юя брат не был мужчиной, он не задумывался о его чувствах. Старший брат был как отец и как маленькая мама, которая заботилась о нём, кормила и давала возможность учиться.

— Если хочешь решать задачи или читать, садись за этот стол. — Чу Юй указал на шину. — Сзади огород, здесь тихо, подходит для учёбы.

Чу Юй мыл машины впереди, а Чу Хуань решал задачи на складе. В июле стало совсем жарко, в огороде жужжали пчёлы, иногда слышалось пение птиц и гудки машин. Здесь было светло, солнце освещало каждый угол, и даже грязь казалась чистой, в отличие от их вечно тёмного и тесного дома.

— Держи. — Чу Юй, с полотенцем на плече, принёс две бутылки холодной газировки. Он только что проводил клиента и был весь в поту. — Жарко? Я принесу вентилятор.

Чу Хуань взял воду и покачал головой:

— Я просто сижу, не работаю, не так уж жарко.

Чу Юй сел спиной к нему, открыл бутылку и жадно пил, размахивая майкой, чтобы обдуть себя. Спина его была мокрой.

Чу Хуань пил газировку и смотрел на брата. Чу Юй был похож на мать: изящные черты лица, слегка вздёрнутый нос, напоминающий какую-то актрису. Если бы он не подстригся под ёжика, Чу Хуань думал, что брат в парике мог бы затмить школьную королеву красоты.

— Ух! — Чу Юй отрыгнул, расслабился, и его кадык двигался, как пузырьки в воде.

У брата такой маленький кадык. Чу Хуань незаметно потрогал свой, глядя на шею брата, а затем заглянул под майку, увидев его грудь.

Чу Юй не замечал взгляда, дыша ровно, его грудь плавно поднималась и опускалась. На нём была новая майка, которую хозяйка купила мужу, но размер оказался мал, и её отдали ему.

Хлопковая ткань с добавлением полиэстера после стирки стала жёсткой, и при движении она натирала соски, заставляя их твердеть. Выступающие соски плавно переходили в слегка выпуклые ареолы, создавая естественную округлость.

Грудь у мужчин так выглядит? — Чу Хуань засомневался. Подросток, находящийся в периоде

полового созревания, невольно интересовался всем, что связано с телом.

Чу Юй, отдохнув, похлопал по спортивным штанам, стряхивая пыль, и велел брату продолжать решать задачи, после чего вернулся к работе.

Чу Хуань опустил голову, но вместо того чтобы искать ответы в своей умной голове, он вспомнил, где видел подобную сцену.

Когда он только поступил в среднюю школу, девочки в классе начали носить бюстгалтеры и майки с завязками. Некоторые девушки развивались поздно или были рассеянны, и летом, в майках, когда они садились, их можно было увидеть через рукава. Перед Чу Хуанем сидела худенькая девочка, и однажды, отвлекшись на уроке, он случайно увидел её и испугался, но с любопытством посмотрел ещё раз, почувствовал себя подлецом и больше не смотрел в ту сторону.

Чу Хуань не раз видел других мальчиков, он мылся в общественной душевой в школе и иногда принимал душ у друзей, но ни у кого не было такой странной формы груди.

Он рисовал дуги на бумаге, его голова была в хаосе, и вдруг он вспомнил этот стыдный случай. Образ одноклассницы и профиль брата на бумаге начали совпадать, и загадка раскрылась.

<http://bllate.org/book/15448/1370468>